

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИМЕНИ С. М. КИРОВА
ВЕЛИКОЛУКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

выпуск № 30

Кафедры литературы и русского языка

Псков—1967 г.

Редакционная коллегия:

Л. Я. Костючук (редактор)

Л. И. Вольперт

В. С. Белькинд

Э. В. Слина

Н. М. Владимирская

Л. И. ВОЛЬПЕРТ (Псков)

КНИГА ЖАН-РИШАРА БЛОКА
«ИСПАНИЯ! ИСПАНИЯ!»¹⁾

Вершиной творчества Ж.-Р. Блока-публициста справедливо считаются его радиопередачи для Франции из Москвы в годы второй мировой войны. Более ста лучших передач, объединенные после смерти Блока в книгу «От Франции преданной к Франции вооруженной» («De la France trahie à la France en armes» P. 1949 E. S.) были удостоены в 1949 г. Золотой медали Мира. Радиопередачи Блока представляют собой замечательный образец художественной публицистики, их отличает высокая эмоциональность, образность, лаконичность и конкретность. В этих выступлениях ощущается неразрывная связь Ж.-Р. Блока с французским народом. «Он говорил для всех и он говорил так, как никто не говорил. И ведь это была Франция, которая возвращалась к нам издалека»²⁾, — писал Арагон.

К ощущению такой близости с народом, к страстной, боевой, политической публицистике Ж.-Р. Блок пришел далеко не сразу. Его ранние сборники³⁾, объединенные в цикле «Очерки, чтобы лучше понять мое время», представляли собой публицистику больших обобщений, мучительных раздумий и поисков. В них «следопыт» Блок, как назвал его Арагон, стремился изобразить судьбу поколения, опустошенного первой мировой войной, и наметить пути развития послевоенного мира. Одним из «проклятых вопросов», к которым Блок постоянно обращался в ранних сборниках, был вопрос о трагическом отрыве интеллигенции от народа. Написанные в форме философско-исторических этюдов, сборники были обращены к узкому кругу интеллигенции. Для стиля очерков характерно обилие сложных образов, взятых из мифоло-

¹⁾ J.-R. Bloch. Espagne, Espagne! P. ESJ 1936. В сокращенном русском переводе Н. Довгалева, Н. Жарковой, И. Романович, И. Косаткиной. Ж.-Р. Блок. Испания, Испания! М., Гослитиздат, 1936.

²⁾ L. A r a g o n J.-R. Bloch ou le colur brise, Ce Soer, 19 mars, 1948.

³⁾ J.-R. Bloch. Carnaval est mort. P, NRF, 1920.

J.-R. Bloch. Destin du siècle. P, Pr. Univ., 1931.

J.-R. Bloch. Offrande à la politeque, P., Pr. Univ., 1933.

J.-R. Bloch. Naissance d'une culture, P., Pr. Univ., 1936.

гии, условная символика, понятная лишь избранным, сложный язык. Гуманизм сборников носил несколько абстрактный, рассудочный характер, он шел в значительной степени от разума, а не от сердца.

Поездка Блока в Испанию 1936 г. явилась важнейшим, переломным событием в его жизни. Не случайно Арагон, отмечая два важнейшие этапа на пути Блока к коммунистическому миропониманию, назвал поездку в СССР 1934 г. и эту поездку в Испанию.

С начала испанской войны сердца всех честных людей были прикованы к Испании тревогой и надеждой, все, что было в мире высокого, рыцарственного, благородного, связывалось с Испанией и устремлялось к ней.

С первых дней фашистского мятежа Ж.-Р. Блок живет в состоянии мучительной тревоги за судьбу Испании. «Кто из вас в продолжении этой кровавой недели (восстание вспыхнуло в субботу, а я пишу эти строчки в четверг), не поднимался среди ночи, чтобы воспользоваться глубокой ночной тишиной, настроить свой радиоприемник, перехватить свет истины, успокоить свою тревогу, свою моральную пытку»⁴⁾.

Его угнетает неизвестность, отсутствие правдивых сведений о событиях в Испании. Буржуазные газеты, которые заставляли «краснеть от стыда всех честных французов»⁵⁾, единодушно возмущались не фашистскими генералами, пытавшимися задушить республику, а народом, который посмел ее отстаивать с оружием в руках. «...вспоминая свои клеветнические выпады против русского народа, они теперь так же яростно, так же гнусно клеветают на испанский народ, стараясь очернить и запачкать его великие страдания»⁶⁾, — писал Блок об этих газетах.

Лишь одну неделю смог Блок выдержать состояние неизвестности. Он не молод, ему 52 года, он только что перенес тяжелую болезнь, его мучают последствия ранений войны 1914 г., но ровно через неделю после начала мятежа Блок уезжает в Испанию. По приезде он оказывается в самой гуще схватки, делит все горести и радости народа, и за три первые месяца войны он пишет книгу испанских очерков.

«Испания, Испания!» — первый опыт Блока в жанре острой злободневной политической публицистики. По выражению Блока, он писал эту книгу «не в заслугу себе, а на служение делу»⁷⁾. «Испания, Испания!» — это «не памятник, на который Испания имеет право, не героический эпос, который будет создан»⁸⁾, а вклад писателя в борьбу за свободу.

⁴⁾ J.-R. Bloch. Espagne, Espagne!, p. 82.

⁵⁾ J.-R. Bloch. Espagne, Espagne!, p. 41.

⁶⁾ J.-R. Bloch. Espagne, Espagne!, p. 41.

⁷⁾ J.-R. Bloch. Espagne, Espagne!, p. 10.

⁸⁾ J.-R. Bloch. Espagne, Espagne!, p. 9.

Блок сознает, что испанские события требуют отклика быстрого и решительного, лжи официальных газет нужно противопоставить правду, слово писателя, как набатный звон, должно звать на помощь Испании. «Сейчас время военных корреспондентов, не писателей. Время бойцов, не историков. Время действий, не размышлений о действиях»⁹⁾. В этих словах можно уловить признание Блоком необходимости творческой перестройки. Публицистика раздумий должна уступить место публицистике действия. Нужны новые формы, новая система образов, язык, обращенный ко всем и понятный всем. Сама эта мысль блестяще выражена в лаконичных, ясных, отточенных фразах, построенных на контрастном противопоставлении. Уже в первые дни фашистского мятежа Блок сумел предугадать ту огромную роль, которую будут играть очерк и военная корреспонденция на всем протяжении народной войны. Очерк станет ведущим литературным жанром эпохи, подлинным боевым оружием. Поль-Вайян Кутюрье и Хемингуэй, Ральф Фокс и Луи Арагон, Поль Элюар и Вилли Бредель и многие, многие другие будут создавать очерки об Испании.

Как подлинный художник, Блок внес в свои очерки черты неповторимые и своеобразные, которые тесно связаны с его участием в борьбе народа. Именно здесь, в «окровавленной и сияющей Испании», Блок сумел обрести ту близость к народу, о которой он мечтал с юности, его гуманизм становится подлинным гуманизмом сердца. Отсюда та напряженная страстность, высокая эмоциональность, которая ощущается в каждой фразе и которую можно считать определяющей чертой его очерков. «Куски меня самого», — называет Блок свою книгу. Уже само название, двукратно повторенное слово «Испания» и выразительный восклицательный знак, звучали как крик души, полный тревоги и боли.

Блок сам сознает, что в его творчестве происходит перелом, что новые темы, образы, чувства вытесняют старые, еще недавно столь ему дорогие.

«Мелодия Листа, суровая, хватающая за душу, заполняет комнату. За ней следует песня Шуберта, светлое рыдание, страстный призыв. Здесь говорится о любви к женщине, о майской розе. Я тоже хочу написать о женщине и о любви, которую мне внушают женщины. Я хочу попытаться сделать то, что еще никому не удавалось: выразить в словах крик иволги в фруктовом саду и душу танцовщицы, которая видна в дивных линиях ее тела. Я хочу почувствовать себя простым человеком, наивно счастливым от того, что он живет в изобилии мира.

Но вот я слышу, как разрывы снарядов, крики раненых наполняют воздух. Я вижу прижавшуюся к земле под кружащими самолетами, перед надвигающимися танками цепь моих товарищей, я ощущаю во рту горечь героев без оружия, без пороха, без само-

⁹⁾ J.-R. Bloch. Espagne, Espagne!, p. 9.

летов, и я слежу с невыразимым отчаянием за ужасным отступлением непобедимых побежденных»¹⁰⁾.

Вся система образов первой части этого отрывка, их традиционная романтичность и приподнятость связаны с исканиями прошлого, с идеалами писателя-интеллигента, погруженного в мир возвышенной, но далекой от обыденной жизни, красоты. (Характерно, что упоминание о танцовщице отражало конкретный замысел Блока написать 2-ю часть романа о балерине¹¹⁾). И совсем иной круг образов во второй части отрывка. На смену миру красоты умозрительной и туманной приходит мир суровой и трагической действительности. Конкретность, простота и страстность — отличительные черты этой части отрывка. В образной эмоциональной форме Блок как бы выражает свое новое «кредо», свое решение «наступить на горло собственной песне»...

Блок говорит здесь о себе, и этот своеобразный лирический «субъективизм» весьма характерен для испанских очерков. События изображаются как бы преломленные через призму восприятия и ощущений автора. Перед читателем возникает лирический образ автора, человека, умеющего страстно любить и страстно ненавидеть, человека огромной ответственности. Личное и общественное выступает здесь в неразрывном единстве, общественное преломляется в сознании Блока, как личное.

Этот прием введения авторского «я» в публицистику найдет свое дальнейшее развитие и станет одним из самых определяющих и характерных в радиопередачах времен второй мировой войны. Блок будет вести передачи от своего имени, и это введение авторского «я» в текст передач будет придавать им лирическую взволнованность, достоверность и конкретность, явится формой выражения глубокой близости писателя к своим слушателям.

В приведенном выше отрывке любопытно отметить блестящее использование Блоком приема контраста, который также часто встретится на страницах радиопередач. В уютный маленький мир, наполненный дивной музыкой, красотой, пением птиц и любовью, Блок безжалостно вводит другой мир, залитый кровью, страданиями и горечью, и этот другой мир, мир борющейся Испании приковывает к себе все мысли и чувства.

Главная тема очерков — испанский народ, его борьба, его радости и страдания. Блок стремится показать «честному французскому гражданину», как случилось это «чудо», что безоружный народ в течение первой недели сумел разгромить вооруженную армию и погасить основные очаги мятежа. «Сила на этот раз изменила крупнокалиберным пушкам и пулеметным гнездам, весь

¹⁰⁾ J.-R. Bloch. Espagne, Espagne!, p. 12

¹¹⁾ Первая часть романа «Сибилла» («Sybilla») вышла в 1932 г.

¹²⁾ J.-R. Bloch. Espagne, Espagne!, p. 113.

мир удивляется этому»¹²⁾, — пишет Блок. Причину успеха народа Блок видит в «суровой и страшной решимости»¹³⁾, с которой республиканцы поднялись на защиту свободы. Везде, в городах, деревнях, на дорогах — писатель слышал одни и те же простые слова, «лишенные какой-бы то ни было напыщенности или романтизма: «мы умрем, если надо, но к старому не вернемся»¹⁴⁾. Блок побывал на самых опасных участках фронта, видел жизнь народа во всем многообразии, беседовал с рядовыми бойцами и президентом, он был не просто объективным наблюдателем, а боевым соратником и другом республиканцев. «Целый народ поднялся с оружием в руках. И при том самый гордый, самый решительный народ в мире, его можно физически уничтожить, но поработить его нельзя», — пишет он¹⁵⁾. С первых страниц очерков Блок стремится ввести читателя в волнующую, напряженную атмосферу борьбы народа за свободу. Отряды народной милиции, придирчиво и тщательно изучающие документы приезжих, многочисленные машины, которые «щетинятся дулами винтовок», стоящие в роскошном отеле, только что отбитые у мятежников, пулеметы, «немые, суровые, злые, готовые к услугам, если понадобится»¹⁶⁾, крестьяне, которые во время молотьбы приставляют ружья к скирдам, — все это ярко воспроизводит обстановку народной войны. Точность деталей, конкретность описаний, образность помогают создать зрительную картину боевых будней Испании.

Самым «больным» вопросом для республиканцев, самым мучительным и самым насущным был вопрос об оружии. Блок говорит о боли и унижении «непобедимых побежденных», вынужденных голыми руками сражаться с танками. Блок переживает, как свою личную боль, боль республиканцев: «...я ощущаю во рту горечь героев без оружия, без пороха, без самолетов...»¹⁷⁾. Зато как велики радость и торжество народа, когда удается отбить у врага оружие. Один из самых ярких эпизодов книги — рассказ о том, как республиканцам Валенсии удалось овладеть казармами, где находился мятежный полк.

«Необычайное зрелище открывается моим глазам на площади, залитой солнцем: мужчины всех возрастов, женщины, девушки, дети, идут из квартала казарм и несут винтовки, револьверы, сабли. Вот грузовик, переполненный ликующими дружинниками-социалистами. Они везут украшенный, словно невеста, алыми лентами пулемет»¹⁸⁾.

Площадь, залитая солнцем, «ликующие дружинники», шествие народа — все это вместе составляет праздничную, яркую карти-

¹³⁾ J.-R. Bloch. Espagne, Espagnol, p. 78.

¹⁴⁾ J.-R. Bloch. Espagne, Espagnol, p. 69.

¹⁵⁾ J.-R. Bloch. Espagne, Espagnol, p. 77.

¹⁶⁾ J.-R. Bloch. Espagne, Espagnol, p. 28.

¹⁷⁾ J.-R. Bloch. Espagne, Espagnol, p. 12.

¹⁸⁾ J.-R. Bloch. Espagne, Espagnol, p. 12.

ну. И сам Блок не просто приезжий созерцатель, а полноправный участник праздника, не случайно вся эта картина дается в его восприятии, увиденная его глазами.

Оружие — основная тема всех разговоров республиканцев, оружие — это победа, свобода, жизнь. Блок ведет скрытую полемику с теми проповедниками абстрактного гуманизма, которые решительно отвергали революционное насилие.

«Кто не видел этого ликования, сменившего тревогу прошлой ночи всех предшествующих ночей, кто не видел этой гордости народа, победившего страх и унижение, тот не способен понять, что означает для защитников республики страшное и освобождающее слово: оружие!»¹⁹⁾.

Вопрос об оружии — это вопрос жизни и смерти. Разговор об оружии в очерках Блока всегда отличается особой страстностью, которая достигается разнообразными ораторскими приемами. Привычные метафоры (пулеметы «немые, суровые, злые, готовые к услугам...», машины, которые «щетинятся дулами винтовок»), неожиданные и смелые сравнения («пулемет, украшенный алыми лентами, словно невеста»), выразительные и емкие контрастные эпитеты («страшное и освобождающее слово»), риторические вопросы, обращения и восклицания, введение авторского «я» — все это создает высокую эмоциональную напряженность стиля той части очерков, где речь идет об оружии.

Характерно, что лишь только в очерках Блока заходит речь о подвигах республиканцев, о массовом героизме народа, стиль повествования становится нарочито сдержанным и сухим. Внутренняя требовательность, свойственная Блоку, отвращение ко всякой напыщенности и фальши побуждают его говорить скупое и строго о том, о чем принято говорить приподнято. Для Блока очень важен тот факт, что рассказы самих испанцев всегда лишены «какой бы то ни было напыщенности и романтизма». Ему близка и дорога эта черта, и он стремится говорить о подвигах в той манере, в какой это делали его собеседники. Характерен в этом плане рассказ о забастовке в городе, занятом фашистами.

«Белый генерал отдал приказ выйти на работу, угрожая расстрелять секретарей профсоюзов. На работу никто не вышел. Секретари профсоюзов были расстреляны. Профсоюзы выбрали подпольные комитеты. Как только раскрывают такой комитет, всех его участников расстреливают. Рабочие выбирают новые комитеты и забастовка продолжается»²⁰⁾.

В скупых, сдержанных фразах, намеренно «сниженных» по тональности, нарисована яркая и героическая страница борьбы республиканцев. В данном случае «прозаическая» форма рассказа, «минусовая эмоциональность», если можно так выразиться,

¹⁹⁾ J.-R. Bloch. Espagne, Espagne!, p. 64.

²⁰⁾ J.-R. Bloch. Espagne, Espagne!, p. 85.

выполняет определенную художественную функцию, является особой формой эмоциональности, она оттеняет необычность события и подчеркивает его каждодневность.

Многие страницы очерков Блок посвятил разоблачению «пятой колонны», скрытых и явных врагов испанской республики. От мятежных генералов до католических священников, от шпионов до министров правительства, от скрытых сторонников фашистов до предателей-социалистов протянулся враждебный «белый» фронт.

Блок показывает, каким яростным врагом республики была католическая церковь. В приложении к книге писатель приводит многочисленные документы, свидетельствующие о враждебности католической церкви народному фронту, о ее прямых связях с фашистскими организациями. Отвечая некоторым «утонченным и изысканным» интеллигентам, которые отвернулись от испанских республиканцев якобы из-за того, что ими было разрушено несколько католических монастырей, Блок писал: «...слишком много колоколен было использовано попами-фанатиками, чтобы стрелять в толпу рабочих»²¹). Народ в справедливом гневе сжигал эти оплоты векового угнетения, которые снова служили врагу. «Эти почерневшие камни расплачиваются за века угнетения, мрачными повествованиями о которых полна вся история Испании»²²).

В последних двух частях книги Блок весь свой огромный талант публициста направляет на разоблачение заговора буржуазных стран — от фашистских до «демократических» — против испанской республики. В первые три месяца войны политика буржуазных стран в отношении Испании была еще не совсем ясна современникам, так как демагогической буржуазной дипломатии в то время еще удавалось скрывать истинные цели этих стран.

Раскрывая сущность политики «невмешательства», Блок приводит многочисленные факты, свидетельствующие о непрерывной помощи мятежникам со стороны фашистских государств. «Тем временем, — писал Блок, — у нас под носом с наглостью и цинизмом, свидетельствовавшим об их полном презрении ко всему миру, Германия и Италия продолжали снабжать мятежников...».

Страстно призывая разрушить заговор международной буржуазии против испанской республики, Блок естественно в первую очередь обращается к французскому народу и к французскому правительству с призывом прийти на помощь Испании. «Кто может забыть патетическую Барселону, передающую в половине четвертого утра на неловком французском языке эти душу раз-

²¹) J.-R. Bloch. Espagne, Espagnol!, p. 38.

²²) J.-R. Bloch. Espagne, Espagnol!, p. 37.

дирующие слова: «Алло! Алло! Говорит Барселона! Говорит Испания! Испания обращается к французскому народу, к благородной французской нации»²³). Однако, именно французское правительство выступило инициатором политики невмешательства и тем самым нанесло «едва ли не смертельный удар испанской республике». «Французское общественное мнение, — пишет Блок, — с ужасом и изумлением смотрело, как его правительство применяет блокаду на Пиренеях, в то время как Муссолини и Гитлер заставили ждать своего ответа в продолжение двадцати смертоносных дней»²⁴).

На многих страницах своей книги Блок раскрывает сущность «патриотизма» реакционной буржуазии, всегда готовой продать и предать родину во имя своих классовых интересов. «Капитализм сохраняет верность родине только до тех пор, пока чувствует себя ее хозяином, пока интересы нации подчиняются интересам капитализма. Но стоит их интересам разойтись, как сейчас же наши гордые властители с султаном на голове, со шпорами на ногах, покидают нацию и встают на защиту класса»²⁵).

«Испания, Испания!» открывает собой важный, качественно новый этап в публицистике Жан-Ришара Блока. В испанских очерках Блок впервые обращается к боевой, острой, злободневной политической публицистике. Книга «Испания, Испания!» во многом подготовила появление замечательных радиопередач Блока времен второй мировой войны. В испанских очерках появляются уже те неповторимые качества публицистики Блока — эмоциональная насыщенность, лиризм, образность, конкретность и высшая простота, которые найдут свое дальнейшее развитие в радиопередачах и определяют в значительной степени их художественное своеобразие.

«Испания, Испания!» ставит Ж.-Р. Блока в один ряд с теми зарубежными писателями, которые защищали испанскую республику с оружием в руках. Л. Арагон писал о книге Блока «Испания, Испания!»: «Это свидетельство и выражение всего лучшего, что содержит наша Франция, выражение ее традиционного благородства, ее демократических убеждений. Эта книга делает честь не только нашей литературе, но и всему народному фронту Франции. Ж.-Р. Блок никогда еще не писал более волнующих, более прекрасных и достойных его страниц. Эта книга — дневник человеческой совести»²⁶).

²³) J.-R. Bloch. Espagne, Espagne!, p. 102.

²⁴) J.-R. Bloch. Espagne, Espagne!, p. 145.

²⁵) J.-R. Bloch. Espagne, Espagne!, p. 194.

²⁶) Л. Арагон. «Испания, Испания!» Ж.-Р. Блока, Интернациональная литература, 1937, № 4.

ПУБЛИКАЦИЯ

РАДИОПЕРЕДАЧА ЖАН-РИШАРА БЛОКА

от 4/X-1944 г.

Публикуемая ниже радиопередача Ж.-Р. Блока, посвященная началу учебного года во Франции, не вошла в книгу «От Франции преданной к Франции вооруженной». Передача найдена в архиве Всесоюзного радиокomiteта, публикуется впервые.

4/X-1944.

Начало учебного года¹⁾. Первая неделя учебы. О учителя, о дети Франции! В этом году эти слова приобретают новое звучание. Они означают нечто большее, чем возвращение к учебе в школах, колледжах или лицеях. В этом году, о дети и учителя Франции, это начало возрождения, начало обновления, вы, наконец, снова возвращаетесь к жизни.

Невозможно вспомнить без муки в сердце о том, как вы встречали этот день последние пять лет.

Октябрь 1939, разгар «забавной» войны. Очень мало «забавной» для вас, дети, чьи отцы были на фронте. «Не знаю, когда вернется». Очень мало «забавной» для страны, которая понимала, что катится в пропасть. Правда, война без сражений. И министр провозглашал с трибуны: «Еще не бывало войны с меньшим числом убитых и раненых». Еще бы! Все немецкие Нибелунги, закованные в подземельях Гитлера, били молотом день и ночь, чтобы выковать молнию наступления. И средний француз, которому начинала казаться странной эта мобилизация, нужная лишь для того, чтобы он мог мирно удить рыбу на Рейне, наблюдая, как фрицы на другом немецком берегу изображают это же занятие, средний француз, овладеваемый необъяснимой тревогой, отмечающий, что все усилия правительства в это время были направлены на полицейские преследования его же соотечественников, этот средний француз с беспокойством спрашивал себя,

¹⁾ Французское выражение «rendrèe des classes» не имеет точного эквивалента в русском языке. Русское соответствие «начало учебы» менее выразительно, в нем утрачен оттенок повторяемости и возвращения к учебе. Во Франции первый день занятий — 4 октября.

достойны ли правители Франции возложенной на них огромной ответственности. Таково было начало учебы в октябре 1939.

А затем пришел октябрь 1940. Вы помните его, дети Франции? Те, кому сегодня семнадцать лет и кто сражается сегодня в рядах партизан, вам было тогда тринадцать. 1940: это было начало капитуляции. Начало позора. Молния немецких Нибелунгов ударила! Вот когда она перестала быть «забавной», эта война! Появился немец, наглый, зловонный, грязно-зеленый. Он разместился от Лилля до Бэйонна, грабя, обжираясь, наполняя чемоданы. А там, где он еще не был, от Мулэна до Ниццы появились его марионетки, все эти Тартюфы с вывернутыми шеями.

1940: начало учебы без школ, без детей, без учителей, без отцов. Отцы и учителя? Военнопленные. Школа? Отобраны Вермахтом. Дети? Рассеяны эвакуацией. А сколько остались убитыми в воронках бомбежек. Но как ни мало их было, они сплотились. И на уроках учителей, было ли это в начальной школе или в Сорбонне, они ощущали в себе трепетную дрожь нового братства Франции, предвещающей свое возрождение. Начало учебы 1940 принесло этот памятный день 11 ноября, когда школьники, лицеисты, студенты собрались на площади. Звезды вокруг могилы Неизвестного солдата, чтобы под наведенными на них немецкими пулеметами спеть Марсельезу.

Октябрь 1941. Быть может еще более черный, чем предыдущий. Измена на службе оккупанта принялась за работу. И вот появились новые школьные учебники, прославляющие Германию и поливающие грязью Францию. Лучшие учителя посажены в тюрьмы. И лишь одна надежда: далеко, на востоке, уже в течение трех с половиной месяцев сражалась Красная Армия. Молния Гитлера дала осечку.

Октябрь 1942. На этот раз первый день учебы был менее мрачный. Гитлер остановлен под Ленинградом, под Москвой, под Ростовом. Правда, летом он снова продвинулся. Но хотя он дошел до Волги и Египта, ничего не значит, весь мир верит в победу. Русские показали, что они умеют драться и тузить бошей. Этот октябрь не был осенним месяцем. Свежий ветерок знаменовал весну, созревали великие всходы.

Хотя Гестапо и полиция Виши становились с каждым днем все свирепее, из уст в уста шепотом передавались слова призыва к борьбе. Отряды стрелков, сопротивление, борьба — в классах не было других тем для разговора. Ребята рассказывали друг другу о первых подвигах свободных стрелков и партизан, которые были совершены где-то там, в Па-де-Кале, в Париже, в Эльзасе, в Бретани. Вода в море больше не опускается, начинается прилив, Франция переходит к наступлению.

Октябрь 1943. Всего лишь год назад. А кажется, прошло де-

сять лет, столь наполнены событиями были эти двенадцать месяцев. И прежде всего Сталинград, этот удар грома! Это уже не весна, это — лето. Это уже не отдельные отряды, это — армия. Это уже не перегруппировка — это битва.

Ученик, которого вы видите там, на школьной скамье, этой ночью тащил много километров груз динамита и вернулся лишь после того, как увидел взлетающий в воздух с великолепным грохотом металл. Еще одним заводом, работающим на Гитлера, стало меньше. Это было год назад. С тех пор развернулась незабываемая, историческая битва, битва Франции за Францию. Страна поднялась и с помощью союзников ценой многих жертв и крови сбросила со своих плеч густую тину измены и оккупации. И поднялась на ноги.

И вот дети Франции снова идут в школу, как это бывало прежде. Какой привлекательной стала школа, хотя у нее и выбиты окна, и пробита крыша. И учитель, который стоит на пороге, хотя у него нет руки и глубокий шрам, — след гестапо, прорезает лицо, — какой у него веселый и праздничный вид. Это потому, что он снова сможет, дети, рассказывать вам о Франции, о свободе, о равенстве и братстве. Это потому, что вы теперь знаете из опыта, какая ценная и ничем незаменимая вещь — свобода. А братство вы осуществляли сами в течение этих четырех лет, и оно спасло жизнь тысячам патриотов. Равенство вы приветствовали в рядах смельчаков, где все привилегии отступали перед храбростью, хладнокровием и врожденным мужеством.

И вот вы торжественно поднялись на чердак Мэри, нашли изуродованный пулями бюст Франции с чертами Республики и снова установили его на площади Чести.

О, это больше для вас не просто гипсовая статуя с пустой улыбкой. Вы смотрите на нее с любовью, так как вы ее отвоевали и освободили, она — ваша, вы переделаете ее по своему подобию; ей сегодня столько же лет, сколько и вам; как и вы, дети, Франция, Октябрьская республика 1944 — жива, молода, полна сил, она с верой и энергией глядит в будущее.

Для Франции, как и для вас, воспитатели, дети, — этот октябрь — начало созидательной жизни.

* * *

Передача написана вскоре после августовского восстания, освободившего Париж. Она приурочена к определенному событию — началу учебы в школах.

Построение передачи — от факта к символу — характерно для выступлений Блока. Первый день учебы в освобожденной Франции становится в передаче символом возрождения и обнов-

ления страны. Отдельный факт — повод осмыслить события, дать широкую историческую картину, показать жизнь в движении. В данной передаче нашли отражение пять лет истории Франции, пять этапов борьбы.

Эмоциональность и убедительность передачи достигается использованием Блоком самых разнообразных публицистических приемов (риторические вопросы, восклицания и обращения, повторения, градация, использование привычных метафор, книжных образов, традиционной символики).

Самая интересная часть передачи — разоблачение сущности «странной войны» — целиком построена на контрастном противопоставлении. Война, во время которой на глазах противника можно мирно удить рыбу. Казалось бы, какая прелестная война. Мирной картине рыбной ловли, связанной обычно с душевным спокойствием, Блок противопоставляет сначала глубокую тревогу этого одетого в шинель «среднего француза», удящего рыбу на Рейне. А затем этой мирной картине противопоставлен ад Нибелунгов, бешено готовящих наступление.

Наконец, само выражение «забавная война»¹⁾, повторенное несколько раз, противопоставлено Блоком капитулянтской сущности этой войны, которая привела Францию к катастрофе.

Книжный образ — Нибелунги, народ, закованный в цепи и день и ночь работающий в страшном подземелье, — отнесен здесь Блоком к немцам и помогает раскрыть трагедию не только французского, но и немецкого народа. Для Блока характерно использование образов древненемецкого эпоса. Так, Зигфрид, объявленный фашистами любимым героем, в передачах Блока — благородный богатырь, кующий свой сказочный меч, чтобы снести голову фашистскому чудовищу.

¹⁾ Обычно выражение «drôle de guerre» переводится на русский язык как «странная война». Блок из двух значений слова «drôle» «странный» и «забавный» выбирает второе.